

Записки графа Н. П. Игнатъева ¹⁾.

1864—1874 ²⁾.

Рѣшеніе Греціи подчиниться постановленіямъ парижской конференціи нанесло критскому возстанію смертельный ударъ: съ прекращеніемъ подвоза продовольственныхъ припасовъ критяне не могли болѣе держаться.

„Народы“, говоритъ гр. Н. П. Игнатъевъ, рѣдко даютъ себѣ ясный отчетъ въ ходѣ событій; они судятъ о нихъ по достигнутымъ результатамъ и осуждаютъ того, кого постигнетъ неудача. Такъ точно и греки, видя, что всѣ принесенныя нами жертвы оказались безплодны, съ присущей южанамъ страстью и непослѣдовательностью, вспыхнули злобой и ненавистью противъ Россіи, на которую они возлагали прежде всѣ свои надежды“.

„Я предвидѣлъ это съ самаго начала возстанія и указывалъ министерству на возможность такого поворота въ общественномъ мнѣніи Греціи, считавшей печальный исходъ критскаго возстанія результатомъ нашей измѣны по отношенію къ Греціи. Пользуясь этимъ настроеніемъ, наши противники посигъшили завоевать утраченную нами позицію. На Востокѣ вліяніе есть нѣчто весьма деликатное и зависитъ отъ столькихъ зачастую совершенно неуловимыхъ и скорѣе моральныхъ, нежели матеріальныхъ причинъ, что утратить его легко, а возстановить чрезвычайно трудно“.

„Наши противники спѣшили использовать противъ насъ возможно шире настроеніе умовъ, создавшееся въ Греціи“.

¹⁾ Извѣстія Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Записки графа Н. П. Игнатъева (1864—1874). Спб. 1914 г. Кн. III.

²⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1915 г.

„Послѣднія событія оказались особенно полезны Англии, которая дѣйствовала все время въ высшей степени послѣдовательно. Она съ самаго начала высказалась открыто противъ аннексіи Кандіи къ Греціи и противъ вмѣшательства державъ въ пользу этой послѣдней. Ходъ событій убѣдилъ грековъ въ бесполезности всѣхъ попытокъ, которыя шли въ разрѣвъ съ совѣтами Англии, и въ безусловной необходимости подчиниться волѣ этой державы“.

Что касается политики Вѣнскаго кабинета, то судя по всему, что передаетъ гр. Игнатъевъ, она была во время критскаго возстанія — какъ всегда двойственна, и въ результатѣ Австріи удалось не скомпрометтировать себя въ глазахъ турокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить добрыя отношенія къ грекамъ.

„Уловить нить двуличной политики, которую графъ Бейстъ велъ въ Константинополѣ, довольно трудно“, говоритъ графъ Игнатъевъ. „То возбуждая недовѣріе къ славянамъ, то восстанавливая Европу противъ Румыніи, то стараясь поднять греческій вопросъ, когда не удавалось посѣять смуту въ иномъ мѣстѣ,—Вѣнскій кабинетъ, руководимый гр. Бейстомъ, какъ бы умышленно старался вызвать осложненія, которыхъ, ему казалось бы, всего болѣе слѣдовало избѣгать. Образъ дѣйствій австро-венгерскаго канцлера даетъ поводъ думать, что онъ хотѣлъ сохранить группировку державъ, возникшую въ 1856 г., на почвѣ недоброжелательства къ Россіи“.

Когда разрѣшился греко-турецкій конфликтъ, посланникъ Наполеона III въ Константинополѣ говорилъ, что „вліяніе Россіи на Востокъ потеряно лѣтъ на пятьдесятъ и что на ея счетъ усилится вліяніе Франціи“¹⁾.

Быть можетъ, съ точки зрѣнія Франціи, „Буре имѣлъ основаніе дѣлать это пророчество, но благодаря обстоятельствамъ и непрестаннымъ усиліямъ нашей дипломатіи оно не оправдалось“. Между тѣмъ Наполеонъ III, не прекращая переговоровъ съ нами, долго еще старался повліять на турокъ и заставить ихъ провести реформы въ духѣ, діаметрально противоположномъ нашей программѣ, которая соотвѣтствовала жизненнымъ интересамъ христіанскаго населенія Турціи, отвергала мысль западныхъ державъ о сліяніи христіанъ и магометанъ, „элементовъ, взаимно другъ друга отталкивающихъ“ и стремилась „создать на Балканскомъ полуостровѣ такой социальный, политическій

¹⁾ Удивительное непониманіе взаимныхъ интересовъ замѣчалось тогда между Россіей и Франціей. *Ред.*

и административный порядокъ вещей, который соотвѣтствовалъ бы интересамъ какъ христіанскихъ, такъ и мусульманскихъ подданныхъ Турціи и обезпечилъ бы ихъ совмѣстное существованіе и дальнѣйшее развитіе подъ властью султана“¹⁾.

„Мехмедъ-Руджи-паша, стоявшій во главѣ управленія въ то время, когда обсуждался проектъ реформъ, рѣшилъ (въ январѣ мѣсяцѣ 1867 г.) выйти въ отставку, заявивъ султану, что „только такіе люди, какъ Фуадъ и Али-паша, въ состояніи нести бремя управленія страной, такъ какъ они пользуются довѣріемъ западныхъ державъ“. Али-паша былъ назначенъ великимъ визиремъ, а главный сторонникъ реформъ, Фуадъ-паша, занялъ его постъ, вступивъ въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ“.

„Этотъ дуумвиратъ“, говоритъ гр. Игнатъевъ, „обладалъ всѣми необходимыми качествами если не для искуснаго проведенія реформъ, то по крайней мѣрѣ для инсценированія ихъ съ цѣлью обмануть общественное мнѣніе Европы. Подъ напыщенными разглагольствованіями о новой эрѣ, которая должна была наступить съ осуществленіемъ реформъ, чувствовалось, что въ глубинѣ души министры хотѣли только прикрыть въ глазахъ иностранцевъ тогою либерализма свои личные виды и свой административный произволъ, и отдѣлаться хотя бы на время отъ докучливыхъ напоминаній представителей державъ, которые требовали все новыхъ и новыхъ реформъ“.

„Событія, совершившіяся на о. Критѣ, и безсиліе турецкаго правительства подавить возстаніе поколебали авторитетъ Порты и султана въ глазахъ населенія. Разоренное налогами, ожесточенное произволомъ властей, отчаявшись въ осуществленіи обѣщанныхъ реформъ, возбуждаемое тайными обществами оно едва сдерживало свое озлобленіе. Весною 1868 г. недовольство приняло такіе угрожающіе размѣры, что возстаніе, казалось, готово было вспыхнуть съ часа на часъ. Раздраженіе противъ турокъ и страстное желаніе добиться улучшенія своей участи овладѣло не одними только христіанами; среди мусульманъ—албанцевъ, боснійцевъ, курдовъ и т. п. также шло глухое броженіе.“

Какія-либо осложненія на Балканахъ были въ то время весьма нежелательны для Россіи въ виду ея внутренняго поло-

¹⁾ Меморандумъ министерства иностранныхъ дѣлъ отъ 6 апрѣля 1867 года.

женія, поэтому нашъ представитель въ Константинополѣ считалъ необходимымъ заблаговременно всесторонне обсудить, какое положеніе займетъ Россія при данныхъ обстоятельствахъ. Надобно было рѣшить вопросъ, слѣдовало ли ей руководить движеніемъ, возникшимъ на Балканахъ, и въ какомъ духѣ могъ бы быть рѣшенъ Восточный вопросъ, если бы эта дилемма предстала передъ европейскими кабинетами. Соображенія, высказанныя на этотъ счетъ гр. Игнатьевымъ въ рядѣ депешъ на имя канцлера князя Горчакова, свидѣлствуютъ о томъ, что онъ остался вѣренъ своему взгляду, а именно, что Россіи слѣдовало избѣгать всякихъ манифестацій, которыя дали бы поводъ думать, что она намѣревалась принять участіе въ движеніи или хотя бы хотѣла руководить имъ. Но при этомъ графъ все-таки считалъ необходимымъ оказать нашимъ единовѣрцамъ нравственную поддержку и содѣйствовать сближенію народностей Балканскаго полуострова, чтобы онѣ могли въ извѣстный моментъ оказать другъ другу взаимную поддержку. Особенно важно, по мнѣнію графа Игнатьева, было способствовать сближенію Греціи и Сербіи ¹⁾ въ виду той роли, какую имъ предстояло сыграть въ дальнѣйшей судьбѣ Балканскаго полуострова; а въ Бѣлградѣ мечтали привлечь къ союзу противъ Турціи и Румынію, которая предпочитала тогда дѣйствовать особнякомъ и даже находила для себя выгоднымъ сохранить вассальную связь съ Турціей. До какой степени Порта была встревожена, узнавъ о переговорахъ, происходившихъ между ея вассальными княжествами, и какъ она боялась, чтобы между ними не состоялось соглашеніе, показываетъ ниже слѣдующій разговоръ съ Фуадъ-пашею, записанный гр. Игнатьевымъ.

„Мы знаемъ навѣрно о существованіи союза между Сербіей и Румыніей, сказалъ однажды Фуадъ-паша гр. Игнатьеву, мы знаемъ что, онѣ хотятъ привлечь къ этому союзу Грецію и Черногорію. Этотъ союзъ можетъ быть только оборонительнымъ, такъ какъ обоимъ княжествамъ не угрожаетъ никакой опасности извнѣ.

„Онѣ имѣетъ въ виду будущее... сербы и румыны выжидаютъ удобный моментъ, чтобы напасть на насъ... но когда передъ мусульманской Турціей встанетъ вопросъ „быть или не быть“, она подыметъ какъ одинъ человекъ и ежели ей придется по-

¹⁾ Какъ былъ правъ въ этомъ гр. Игнатьевъ, предугадывая будущія событія исторіи балканскаго союза. Ред.

гибнуть, она оставитъ за собой однѣ развалины ¹⁾. Неужели Сербія и Румынія серьезно считаютъ возможнымъ жить самостоятельной политической жизнью, продолжалъ паша. „Я рѣшительно отрицаю это. Онѣ, подобно двумъ спутникамъ, вращаются вокругъ насъ. Ежели онѣ уклонятся отъ своей орбиты, онѣ либо погибнутъ и затеряются въ пространство, либо будутъ притянуты другимъ болѣе компактнымъ и могущественнымъ политическимъ тѣломъ и будутъ имъ поглощены. Въ томъ и въ другомъ случаѣ онѣ потеряютъ болѣе, нежели выиграютъ, между тѣмъ какъ на насъ это не отразится замѣтнымъ образомъ“.

Одновременно съ движеніемъ, начавшимся въ Греціи и въ Сербіи, заволновалась и Болгарія. Опасаясь, чтобы движеніе не разрослось, Порты рѣшила подавить его въ самомъ началѣ и въ Дунайскій вилаетъ былъ посланъ Мидхатъ-паша, облеченный чрезвычайными полномочіями. Жестокость, съ которой онъ дѣйствовалъ, была такова, что вокругъ его имени создались легенды.

Западныя державы поспѣшили использовать начавшееся въ Болгаріи движеніе противъ насъ. Онѣ преувеличивали его значеніе, чтобы придать въ глазахъ Порты болѣе цѣны своей поддержкѣ и доказать ей коварство Россіи. Появленіе мятежныхъ бандъ приписывалось агитаціи панславистскихъ комитетовъ; высказывалось даже предположеніе, будто болгарскія четы были организованы нашими агентами, получили отъ нихъ деньги и состояли подъ командой русскихъ офицеровъ. Между тѣмъ, по словамъ гр. Игнатъева, было „полное основаніе предполагать, что на болгаръ вліяли польскіе агенты, которые находились въ сношеніи съ французскимъ посольствомъ“.

Что касается Румыніи, то, не взирая на всѣ увѣренія, данныя княземъ Карломъ при вступленіи на престолъ, Россія не могла быть довольна его политикой. Онъ опирался на либеральную партію, которая пресмыкалась передъ Франціей и относилась враждебно къ Россіи. Впрочемъ, князь вскорѣ убѣдился въ недоброжелательности Франціи и Австріи и понялъ, что императоръ Наполеонъ III не задумался бы пожертвовать Румыніей, ежели это понадобилось бы для упроченія его дружественныхъ отношеній къ Вѣнскому кабинету.

Недоброжелательство къ намъ императора Наполеона III, выражавшееся въ противодѣйствіи его всѣмъ нашимъ высту-

¹⁾ Событія союзной войны 1912 года не оправдали предсказаній Фуадъ-паши.

пленимъ на Балканахъ, что гр. Игнатъевъ особенно подчеркиваетъ въ своихъ запискахъ, сказалось и въ отношеніи Черногоріи. Воспользовавшись пребываніемъ князя Николая черногорскаго въ Парижѣ въ 1866 г., во время его путешествія по Европѣ, Наполеонъ III старался возстановить его противъ Сербіи, соблазнялъ его несбыточными обѣщаніями относительно возможнаго увеличенія его территоріи, обѣщаль поддержать всѣ его домогательства въ этомъ смыслѣ и старался сдѣлать его глухимъ къ нашимъ совѣтамъ. Князь Николай, поддавшись этимъ соблазнительнымъ обѣщаніямъ, рѣшилъ по возвращеніи въ Цетинье послать въ Константинополь уполномоченныхъ и предъявить Портѣ свои требованія.

Сенаторъ Пламенаць и Станко-Раданичъ, на которыхъ было возложено веденіе переговоровъ, пріѣхавъ въ Константинополь, сразу увидѣли, что имъ нечего ждать поддержки со стороны западныхъ державъ и что мы одни сочувствуемъ Черногоріи. Они были очень изумлены конфиденціальными совѣтами французскаго посланника Буре, который увѣрялъ ихъ, что для благоденствія Черногоріи имъ необходимо признать сюзеренитетъ Порты. Полнѣйшее согласіе его словъ съ тѣмъ, что говорили черногорскимъ уполномоченнымъ Фуадъ и Али-паша, не оставляло сомнѣнія въ томъ, что Наполеонъ III и Турція дѣйствовали заодно. Фуадъ-паша категорически заявилъ делегатамъ, что Порта не имѣетъ никакого повода уступать Черногоріи земли, на которыя она претендовала.

„Державы признали независимость Черногоріи; если ея территорія слишкомъ мала и не можетъ пропитать населеніе, Портѣ остается только пожалѣть объ этомъ“, говорилъ турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ; „иное дѣло, если бы Черногорія была подвластна султану, какъ Сербія и Румынія, тогда ей могла бы быть уступлена извѣстная территорія безъ ущерба для Турецкой имперіи“.

Черногорскіе уполномоченные поняли, какую роль ихъ хотѣли заставить играть; они поняли, что имъ можно было рассчитывать только на поддержку Россіи, и заявивъ Портѣ, что ихъ миссія окончена, поспѣшно стали готовиться къ отъѣзду изъ Константинополя.

„Русская Императорская миссія въ Константинополь пережила, по окончаніи, Критскаго возстанія, очень трудное время“, пишетъ гр. Игнатъевъ. „Исходъ дипломатической кампаніи, предпринятой нами въ пользу нашихъ единовѣрцевъ, отразился

на нашемъ собственномъ положеніи на Востокѣ: наше значеніе и вліяніе было сильно подорвано. Потерявъ довѣріе христіанъ, не имѣя болѣе въ глазахъ турокъ того авторитета, какимъ мы пользовались прежде, мы не могли похвастать также и симпатіями западныхъ державъ⁴, и представителямъ Россіи въ Константинополѣ пришлось выказать немало энергіи и настойчивости, чтобы возстановить утраченное Россіей положеніе, дѣйствуя въ то же время сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами и оберегая интересы Россіи и балканскихъ христіанъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

